

ЦЕРКОВНЫЙ РАСКОЛ КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Аннотация. В статье предпринята попытка выявления и описания типичных особенностей религиозных и церковных расколов с точки зрения взаимодействия государственно-политического и религиозно-идеологического векторов. Охарактеризованы негативные аспекты решения Вселенского патриарха Варфоломея предоставить автокефалию Украинской Православной Церкви. Раскрыты опасности этой политики для международных позиций России и для осложнения положения русскоговорящих граждан Украины и тех, кто идентифицирует себя с принадлежностью к русскому народу.

Ключевые слова. Религиозный раскол, церковный раскол, византийский патриарх, Папа, Османская империя, Московское царство, Московский патриархат, автокефалия, Украинская Православная Церковь Московского патриархата, Украинская Православная церковь Киевского патриархата.

Вероятно, самым древним из религиозных расколов, зафиксированных в исторических документах, являются последствия реформ фараона Эхнатона, провозгласившего культ бога солнца Атона и объявившего себя его прямым воплощением. Это решение сопровождалось созданием святилищ, посвященных новому божеству; хвалебных и просительных молитв, обращенных к нему; культовых изображений и других символов. Произошел, как и следовало ожидать, раскол среди древнеегипетского жречества, закончившийся, как полагают, убийством нового «земного бога», изгнанием или физическим уничтожением его сторонников среди жрецов и последовательным устранением многочисленных изображений Эхнатона – одного или с семьей, созданных за короткое время утверждения нового культа и устранения старых, имевших глубокую традицию в религиозной культуре страны.

Из этого примера следует, во-первых, прямая связь данного раскола с политической властью, инициировавшей глубокие религиозные изменения. Во-вторых, произошла поляризация духовенства на сторонников и противников реформ, не в последнюю очередь связанная с близостью к государственной власти либо удалением от нее; с получением или прекращением государственных заказов. И, как следствие, с ростом доходов сторонников реформы и сокращением поступлений в казну ее противников. Страсти, насколько можно судить по историческим источникам, разгорелись нешуточные. И сопровождалась систематической посмертной мстью фараону, посягнувшему на традиционный религиозный порядок: стирание имени и уничтожение изображения вело, согласно вере древних египтян, к незавидной посмертной судьбе – прозябанию в полной тьме без всякой надежды на проблеск солнца.

Последующие расколы в религиозных системах, известных в истории, также были связаны с модернизацией [1, с. 106-114] и нередко сопровождалась взаимными проклятиями [6, с. 82-85]. Правда, процедура христианской анафемы подразумевает оставление того, кто ей подвергается, без церковной молитвы как просьбы о божественном заступничестве и милости. Он таким образом «оставлен» один на один со своими грехами. Говоря светским языком, спасение утопающего предоставлено его слабеющим рукам в условиях Суда Всемогущего. При этом религиозное сознание может противостоять другим формам познания (например, науке), что также интерпретируется как своего рода «раскол» [12, р. 586-589].

В истории православия церковные расколы всегда осложнялись ситуацией доминирования государственной власти (что влекло ее обращение – в той или иной форме – к идеологической теме «духовной безопасности» [2, с. 50-54]), в то время как церковная власть обычно позиционирует себя в качестве орудия Всевышнего [3, с. 128-132]. Между тем политика всегда является соотношением и взаимодействием множества переменных. Объяснение их результирующего вектора как «проявления божественного начала» с логической точки зрения является квадратурой круга. При этом хотя императивность суждения церковных иерархов всегда пафосна, но осуществляется, однако, с ориентацией на динамику конкретных земных ситуаций и забот. Такова, например, предыстория раскола христианских церквей, состоявшегося, как известно, в 1054 г. Ей предшествовала битва при Чивитате (1053 г.), где папские войска противостояли норманнам, вторгшимся на юг Италии – тогдашнюю территорию Византийской империи. Византийцы обещали поддержку Папе, но были, как всегда, себе на уме. Они надеялись, что папские войска, состоявшие в основном из пеших швабов в количестве 6 тыс. человек, справятся с норманнами, которых было всего 3 тысячи. Но войско Папы потеряет при этом много живой силы, что позволит византийцам продиктовать Папе Льву IX свои условия. Однако норманнское войско было конным, состояло из рыцарей в бронированных доспехах и разгромило войска Папы. Он попал в плен к норманнам, а затем сумел отправиться в Византию своего посланца, объявившего от лица папского престола анафему византийскому Патриарху. И, разумеется, было выражено глубокое неудовольствие византийскому императору. Последующие события привели к разделению католической и православной Церквей.

На фоне множества известных исторических драм поражение папского войска при Чивитате – событие местного значения. Но анафема сохраняла значение решительного богословского отрицания сакрального вероучения и особенностей культа каждой двух христианских церквей до Ферраро-Флорентийской унии (1438-1439гг.), принятой на фоне наступательной политики османов, требовавшей противодействия всего христианского мира. Тем более что первоначальные успехи крестовых походов, приведшие к созданию христианских государств на Ближнем Востоке, закончились окончательным поражением христианских рыцарей и, соответственно, ликвидацией их светско-религиозной власти над завоеванными территориями и их населением. Угроза же Константинополю означала для христианского мира перспективу грандиозной геополитической катастрофы, открывавшей исламу дорогу в Восточную и Центральную Европу. Поддержка этой унии московским митрополитом Исидором отвечала надеждам христианских народов Балкан, оказавшихся после Косовской битвы 1382 г. под властью османов. Было ясно, что последние пойдут и дальше, – что и подтвердили территориальные завоевания Османской империи, войска которой осадили Вену в 1683 г.

Поскольку централизация Московского государства происходила в условиях сохранения вассальной зависимости от Золотой Орды, потребовалась определенная осторожность на случай возможной консолидации исламских сил, где османы были геополитическими союзниками ордынцев. Соответственно, неприятие унии Москвой как союза с католическими «еретиками» представляло собой важный сигнал османской державе – сигнал готовности сохранять нейтралитет в католическо-исламском противостоянии. Он, как известно, не соблюдался де факто исламской стороной, поскольку набеги крымского хана на территории Московского царства и смежные с ними землями продолжались в XV-XVI вв. Вместе с тем, эта позиция позволила избежать прямого подключения турецких сил к коннице крымского хана и, соответственно, отодвинуть на более позднее время начало эпохи русско-турецких войн.

В дальнейшем окрепшее после Смуты, при Алексее Михайловиче, Московское царство в своем противостоянии Речи Посполитой стало искать союзников на территории Османской империи в лице православных христианских церквей. Для этого были затеяны реформы патриарха Никона, ориентированные на исправление богослужения по греческим образцам, которые полагались более близкими к «изначальному христианству». Данный вектор в основе своей не бесспорен: византийское христианство, оказавшись в своеобразном сочетании с властью базилиевсов, претерпело основательную трансформацию, наложившуюся на процесс «естественной» эволюции, который не миновал ни одну церковь [4, с. 15-42; 5, с. 4-12]. Решающим здесь стал перенос центра тяжести в политико-духовной сфере на обеспечение государственно-политических целей и интересов Московской (пока еще царской) власти. Попытка патриарха Никона утвердить власть предстоятеля Церкви как равную царской быстро закончилась утратой им привилегированного положения «собинного друга» царя и низложением его из сана Патриарха. [10]. При поддержке и одобрении этого акта двумя восточными Патриархами – Александрийским и Антиохийским. Последние в это время прозябали на османской территории и получали поддержку, соответствующую их санам, от Московского царя и его Церкви. Аналогичным стало после завоевания Константинополя и положение Византийского Патриарха. Турки периодически преследовали его клир и православных христиан на территории Османской империи, что приводило к исходу как греков, так и других последователей христианства с территории империи. Последним актом геноцида против православных греков стали события перехода от турецкого халифата к республике после поражения Турции в Первой мировой войне и патриотических действий генерала Мустафы Кемалю, жестко утвердившего свою власть на развалинах империи и получившего имя Ататюрка (Отца турок).

В условиях кризисов, пережитых Турецкой республикой на протяжении последнего столетия, власти страны неоднократно прибегали к антихристианским акциям, консолидируя с их помощью националистические силы. Как следствие, число последователей сегодняшнего Вселенского Патриарха Варфоломея сократилось на территории Турции до 2-3 тысяч человек. Подчиняясь по административной линии мэру города Стамбула, он лишен тем самым самостоятельной политической власти внутри страны. Но многочисленные автокефальные православные церкви, равно как и церковные круги в них, добивающиеся разнообразных форм церковной автономии, включая и предоставление автокефалии, позволяют Вселенскому православному Патриарху использовать церковные политико-дипломатические инструменты для воздействия на православные и другие христианские общины и церкви. Специфика современного православия в этом смысле также представляет определенный интерес [7], также как изучение не только политических, но и ценностных основ [8, с. 84-88; 9, с. 19-23], определяющих динамику рассматриваемых процессов.

В этом ключе примечательно восстановление евхаристического общения с Римско-католической Церковью Византийского Патриархата (1967). Богатые греческие общины, ведущие активный бизнес в зоне Средиземноморья, в США и других странах мира (влияние которых на политику, вероятно, сопоставимо с международным влиянием еврейского вектора на международной арене), используют связи византийского патриарха с находящимися под его омофором поместными церквами. По этим каналам осуществляется и воздействие на политику тех государств, где православные церкви занимают влиятельные позиции. Американские греки, в подавляющем большинстве входящие в Американскую Православную Церковь, регулярно привлекаются для консультаций американских внешнеполитических служб и других центров международного политического влияния.

Не случайно из США и Канады прибыли на Украину два посланца Константинопольского Патриарха Варфоломея, назначенные им экзархами (то есть полномочными церковными представителями) для обсуждения конкретных вопросов и процедур, касающихся автокефалии Украинской Православной Церкви. Их приезду предшествовало, как известно, прошение президента Украины о предоставлении этого статуса своим сторонникам из православной среды. Уже по своей форме этот шаг носил откровенно политический характер.

По содержанию он преследовал две взаимосвязанные цели. Первая из них – подготовка президентских выборов 2019 г. на условиях продолжения современной антироссийской политики как внутри страны, так и на международной арене. Реализуя её, нынешнее руководство Украины идет в русле стратегических задач американской внешней политики последнего десятилетия, антироссийская направленность которой активизировалась в связи с событиями в Донбассе и возвращением Крыма в Россию. С другой стороны, предоставление автокефалии Украинской Православной Церкви обеспечивает церковно-организационные формы свертывания влияния Московского Патриархата на православных верующих восточных районов Украины, которые в значительной части сознают себя русскими на Украине и болезненно переживают дистанцирование их страны от России. Параллельно поставлена задача консолидировать на национально-религиозной основе «украинизма» население центральных и южных областей Украины, сохранивших на протяжении столетий православную веру в противостоянии литовско-польской экспансии (об остроте этого противостояния можно судить хотя бы по известной повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба»). Напряженное внимание, которое оказывают этому процессы западные средства массовой коммуникации, – лишнее подтверждение того, что политическая составляющая навязанного определенными силами церковного противостояния, имеет для Запада заметный интерес [11].

Статус «православного украинизма» уже получил визуальную проработку на предвыборных плакатах, где церковный иерарх Филарет (Денисенко) представлен рядом с действующим президентом Украины. Кроме того, украинское «государствление» Украинской Православной Церкви Московского Патриархата (УПЦ МП) поставит епископов и клириков перед трудным выбором: сохранить верность территориально далекой Москве в условиях антироссийской мобилизации населения, проводимой украинским правительством, – или принять «обновленное» священноначалие из киевского центра. Традиция признания доминирования государства, особенно в условиях ситуации разрыва хозяйственных, экономических, культурных и других уз сотрудничества с Россией, скорее всего начнет работать в направлении перехода под омофор Киевского Патриархата. Тем более, что его митрополиты и епископы находятся рядом, а не за государственной границей, в Москве.

Как всегда в религиозных процессах найдутся «верные» и даже «верные из верных». Не исключено, что последних ждет судьба мучеников. Сокращение числа приходов, которые сохраняют верность МП, скорее всего будет происходить постепенно и сопровождаться соответствующей переподготовкой священнослужителей и церковных активистов на началах украинского национализма. Последнее усугубит расколы внутри населения страны. В первую очередь, – между теми, кто идентифицирует себя с украинскими русскими и теми, кто идет под знаменем украинского «оправославленного» национализма на украинской территории. Нетрудно предугадать, что данная тенденция может увеличить число личных трагедий и без того многострадального народа этой страны.

Вместе с тем, отмена права Московского патриарха управлять украинскими православными епархиями на территории Украины, данная решением Константинопольского Патриарха в сентябре этого года, распространяется на территорию, включающую сегодня Белоруссию, Литву и даже некоторые южные и западные районы Российской Федерации. Это открывает дорогу «параду автокефалий», что представляет собой наиболее негативной сценарий дальнейшего развития событий в государственно-конфессиональной сфере.

Библиографические ссылки

1. Арзуманов И.А., Юрковский В.А. Модернизационные аспекты вероисповедной политики стран северо-восточной Азии XX – нач. XXI в. Часть 1. / И.А. Арзуманов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2012. № 2-1. С. 106-114.
2. Аринин Е.И., Чудаева Е.А. Проблема «духовной безопасности» в контексте понимания религиозности в религиоведении / Е.И. Аринин, Е.А. Чудаева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 1. С. 50-54.
3. Ильин В.Н. Церковный раскол и русский православный традиционализм / В.Н. Ильин // Известия Алтайского государственного университета. 2015. Т. 1. № 4 (88). С. 128-132.
4. Печатнов В.В. Божественная литургия в России и Греции. Сравнительное изучение современного чина / В.В. Печатнов. М., 2008.
5. Печатнов В.В. Конфессиональный аспект русско-греческого межкультурного диалога на примере формирования различий чина божественной литургии в Русской и Элладской православных церквях. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / В.В. Печатнов // Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. М., 2009.
6. Пудовкина И.М. Раскол как проблема религиозного осознания / И.М. Пудовкина // Власть. 2012. № 6. С. 82-85.
7. Православие и современность: проблемы секуляризма и постсекуляризма. М., 2015.
8. Силантьева М.В. Гуманитарный аспект проблемы самоопределения России: между обществом потребления и национальной самобытностью / М.В. Силантьева // Гуманитарный вектор. 2008. № 1. С. 84-88.
9. Силантьева М.В. Современная гражданская идентичность в пространстве российской культуры / М.В. Силантьева // Право и управление. XXI век. 2011. № 4 (21). С. 19-23.
10. Шмидт В.В. Патриарх Никон и его наследие в контексте русской истории, культуры и мысли: опыт демифологизации. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / В.В. Шмидт. Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва, 2007.
11. Laurence P. Orthodox Church split: Five reasons why it matters. By BBC News. 17 October 2018 [Electronic resource]. - URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-45877584>
12. Suran M. The separation of church and science: Science and religion offer different worldviews, but are they opposite or complementary? / M. Surun // EMBO reports. 2010. Vol. 11. No 8. P. 586-589.